

Статья М. Е. Халанскаго (въ IV кн. Рус. Фил. Вѣст. 1891 г.)

ПАМЯТИ А. А. ПОТЕБНИ.

Свѣжая могила, преждевременная смерть, тяжелая, незамѣнимая утрата! 29 Ноября въ 4 ч. дня въ Харьковѣ скончался послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни профессоръ Александръ Афанасьевичъ Потебня на 58 году отъ рожденія. Въ лицѣ покойнаго русская наука потеряла могучаго своего представителя, горячо и страстно преданнаго ей интересамъ, всецѣло жившаго въ сферѣ науки и для науки. Безъ устали, не покладая пера, покойный работалъ, пока могъ, пока были силы.... Выдающеюся особенностью ума Потебни была способность возвышаться надъ частнымъ, стремленіе возводить единичное къ общему. Широта его обобщеній была поразительна. Съ высоты своихъ отвлеченій онъ орлинымъ взглядомъ обозрѣвалъ частные факты, открывая близость и поразительное сходство въ такихъ явленіяхъ, которыя на взглядъ кажутся довольно отдаленными другъ отъ друга. Мѣткости его обобщеній способствовала обширность его познаній. Онъ не былъ узкимъ специалистомъ въ области славянской филологіи: онъ владѣлъ обширными познаніями и въ области другихъ наукъ. Общія выводы другихъ наукъ онъ привлекалъ къ своей спеціальности и такимъ образомъ сообщалъ своему предмету удивительно широкую постановку. Въ области изученія русскаго языка Потебня оставался и остается у насъ единственнымъ представителемъ философскаго направленія. Кто знаетъ Потебню по печатнымъ его трудамъ, тотъ его мало знаетъ. Нужно быть ученикомъ Потебни, знать его ближе, чтобы вполне оцѣнить великость настоящей утраты. Насколько сухи и иногда тяжелы для пониманія его изслѣдованія, настолько рѣчь его была жива и увлекательна. Въ изложеніи Потебни языкъ являлся не отвлеченной системой фразъ, словъ и звуковъ, а живымъ организмомъ, развивающимся по свойственнымъ ему законамъ, чистѣйшимъ выраженіемъ человѣческаго разума, воплощеніемъ человѣческой мысли. Исторія языка у Потебни была вмѣстѣ исторіей мысли и исторіей культуры.

Богатырь мысли, Потебня могъ съ своихъ обобщенійхъ подниматься на удивительно высокую степень отвлеченій. Это былъ мыслитель, восходившій отъ явленій языка къ высшимъ вопросамъ философіи, поэзіи, искусства, исторіи и общественной жизни. Слушать его—было петиннымъ наслажденіемъ. Слѣдипъ бывало за постепеннымъ ходомъ его отвлеченій и умозаключеній и, удивляясь изумительной крѣпости его мысли, силѣ его логики, вмѣстѣ трепещешь, затанвъ дыханіе,—боишься—вотъ-вотъ оборвется, не кончить или окончить какъ-либо парадоксомъ; какъ вдругъ онъ завершитъ длинную цѣпь своихъ мыслей блестящимъ афоризмомъ, поражающимъ силой выраженія, глубиной смысла и широтой объема, ярко освѣщающимъ массу частныхъ фактовъ. Потебня не успѣлъ написать и напечатать того, о чемъ онъ думалъ и говорилъ. Жаль, что кругъ его слушателей былъ слишкомъ ограниченъ и между ними было мало подготовленныхъ къ воспріятію и усвоенію его сужденій!

Замѣчательной личностью Потебня былъ и по нравственнымъ своимъ достоинствамъ. Это былъ человѣкъ высочайшей честности, непреклонной прямоты и совершеннѣйшей искренности своихъ воззрѣній, правилъ и поступковъ. Самъ не отступавшій отъ своихъ высокихъ идеаловъ, Потебня безпощаднымъ словомъ мѣткого и суроваго обличенія мужественно казнилъ другихъ за отступленія отъ идеаловъ правды и добра. Владѣя богатѣйшимъ запасомъ словъ и выраженій русскаго народнаго языка, Потебня однимъ мѣткимъ словомъ, кетати сказанной пословицей могъ, какъ говорится, уничтожить человѣка. Впечатлѣніе его слова усиливалось живою игрой его глазъ и лица красиваго, изящнаго, благороднаго, способнаго выражать оттѣнки разнообразныхъ чувствъ—отъ кроткой и нѣжной привязанности, тонкаго и изящнаго «малороссійскаго» юмора до самой злой желчи и всекарающей сатиры.

Какъ университетскій преподаватель, Потебня стоялъ на всей высотѣ своего положенія. Это былъ профессоръ въ высшемъ благороднѣйшемъ смыслѣ слова—профессоръ «отъ головы до ногъ». Его просвѣтительная дѣятельность не ограничивалась стѣнами аудиторіи и университета, по вечерамъ она переносилась въ его кабинетъ, и вотъ здѣсь то Потебня являлся во всемъ блескѣ своего таланта, поражая слушателей колоссальной эрудиціей и замѣчательной силой и гибкостью своего ума. На студентовъ, своихъ учениковъ, онъ оказывалъ сильное, неотразимое вліяніе, оставлявшее неизгладимые слѣды на всю жизнь. Они преклонялись предъ его научною дѣятельностью,

благоговѣли передъ его честностью и правдой. Всегда строгій къ себѣ и другимъ, рѣдко улыбавшійся, всегда сосредоточенный,—онъ внѣшнимъ своимъ видомъ внушалъ почтеніе. Мы не знали за Потебней отклоненій отъ правилъ законности, честности, правды и добра, и онъ казался намъ олицетвореніемъ идеала въ дѣйствительности. И ему были близки интересы студентовъ. Въ этомъ человѣкѣ, съ виду сухомъ, холодномъ, и подчасъ и рѣзкомъ, билось нѣжное и любящее сердце. Для его слушателей всегда была открыта дверь его дома. Студентамъ онъ никогда неотказывалъ въ своей нравственной помощи. Тяжело больныхъ студентовъ-бѣдняковъ, нуждавшихся въ особой помощи, Потебня посѣщалъ на квартирѣ, дѣлая это такъ, что объ этомъ знали немногіе. Онъ никогда не искалъ популярности; студентовъ влекло къ нему обаяніе его высоко-нравственной личности. Велѣдствіе этого между Потебней и его учениками устанавливалась крѣпкая нравственная связь. Образомъ Потебни, обаяніемъ его личности жили и живутъ разбѣянные по разнымъ провинціальнымъ закоулкамъ его бывшіе слушатели—учителя русскаго языка и словесности. Для нихъ Потебня—символъ всего лучшаго въ природѣ человѣческой, яркій лучъ свѣта изъ временъ студенчества.

Кому изъ бывшихъ его слушателей случалось прїѣзжать въ Харьковъ, тотъ считалъ нравственной потребностью побывать у него, подѣлиться съ нимъ своимъ горемъ и радостью, освѣжиться въ бесѣдѣ съ нимъ. И къ нимъ покойный относился замѣчательно тепло, съ сердечнымъ отеческимъ участіемъ къ ихъ нуждамъ, радости и горю. Распросамъ, разговорамъ конца небыло; субботніе вечера въ домѣ покойнаго затягивались далеко за полночь.... И измученныя дразгами житейскими уходили отъ него, очарованные его рѣчами, ободренные свѣтлой вѣрой въ торжество разума правды и добра, которой самъ покойный былъ глубоко проникнутъ.

Потебня былъ натурой исключительной, человѣкомъ «не отъ міра сего»; такіе люди вѣками появляются. Въ исторіи собственно Харьковской культурной жизни онъ своимъ обаяніемъ, ореоломъ своей славы напоминаетъ извѣстнаго мѣтнаго философа прошлаго вѣка, «украинскаго сократа», Сковороду (1722—1794), изреченія котораго и любилъ приводить покойный.

Вѣчная память тебѣ дорогой,
незабвенный учитель!